

4733.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

„КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛАВЯНСКИХЪ НА-
РЪЧІЙ. ЕТС. ИЗСЛѢДОВАНИЕ А. КОЧУБИНСКАГО“.

РЕЦЕНЗІЯ

И. БОДУЭНА-ДЕ-КУРТЕНЭ
(J. BAUDOUIN DE COURTENAY).

КАЗАНЬ.

Трестъ
эраго ронагг т

1879.

891.804
K76.KO
B34

По опредѣленію Историко-филологическаго факультета Импе-
раторскаго Казанскаго Университета печатать дозволяется. Казань,
21 декабря 1878 года.

И. д. декана Н. Ойрсовъ.

**КЪ ВОПРОСУ О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СЛА-
ВЯНОКИХЪ НАРѢЧІЙ.** Основная вокализація плавныхъ
сочетаній: конс. + л, р + з — ь + конс. I. Исслѣдованіе **А. Ко-
чубинскаго**, доцента императорскаго новорос. университе-
та, непремѣннаго члена императ. общества любителей есте-
ствознанія, антропологии и этнографіи въ Москвѣ. Изъ XXIII т.
Записокъ Императорскаго Новороссійскаго Университета.
Одесса, печатано въ тип. Ульриха и Шульце, въ Красномъ
переулкѣ, домъ Шварца, № 3. 1877. — 8°, IV + 222.

Г. Кочубинскій задался мыслью сказать нѣчто новое
по вопросу классификаціи словянскихъ нарѣчій. Для этой
цѣли, какъ видно уже изъ заглавія, имъ избраны пока только
„сочетанія: конс. + л, р + з — ь + конс.“, т. е. такіе случаи
сочетаній гласныхъ и плавныхъ согласныхъ (л, р) или же экви-
валентовъ этихъ сочетаній, которые, имѣя въ русскомъ языкѣ
только одно о или е, разнообразятся въ отдѣльныхъ нарѣчіяхъ
словянскихъ, не только относительно качества своихъ состав-
ныхъ элементовъ (гласнаго и плавнаго согласнаго), но тоже и
относительно взаимнаго порядка этихъ элементовъ.

Подробному разбору такихъ сочетаній авторъ предпослалъ
введеніе, въ которомъ, во первыхъ, устанавливаетъ общій взглядъ
на вопросъ классификаціи аріевропейскихъ языковъ вообще
(„Глава I. Размѣщеніе членовъ арійской семьи“, 1—13), а
словянскихъ въ особенности („Глава II. Размѣщеніе членовъ
славянской семьи“, 14—27), и затѣмъ изслѣдуетъ, на сколько
нѣкоторыя изъ приводимыхъ обыкновенно признаковъ отличія
словянскихъ языковъ годятся для этой цѣли („Глава III. Судь-
бы з и сочетаній *t, d + j*, какъ основа классификаціи“, 28—67).

Остальная часть книги (69—223) посвящена разбору главного предмета изслѣдованія нашего автора. Впрочем в этом первом выпускѣ автор ограничился только сочетаніями в стсл. согласнаго л с гласными з и ь, в остальных же нарѣчіях их законными замѣнителями. Стало быть, оставлены пока без вниманія сочетанія з и ь с согласным р. Сочетанія же других гласных (а, ѣ и т. п.) с плавными согласными не входят, кажется, в план полнаго сочиненія, задуманнаго нашим автором. Порядок глав этой главной части есть слѣдующій:

„Вступительное слово“ (69—74).

„Плавныя сочетанія: конс. + л + з — ь + конс.“ (75—222).

„Глава I. Послѣдовательность ол—лз“ (75—162).

„ „ II. „ „ „ „ ло—лз“ (163—185).

„ „ III. „ „ „ „ ел—лз“ (186—198).

„ „ IV. „ „ „ „ ле—лз“ (199—218).

„ „ V. Заключение перваго отдѣла“ (219—222).

Дополненіе (223).

Въ I—IV главах (стр. 75—218) автор придерживается слѣдующаго порядка изложенія: Сначала разсматриваются данныя сочетанія в русском языкѣ (75—88, 163—165, 186—188, 199—200), затѣм, в языках польском (88—95, 165—167, 188—189, 201—203), полабском (95—100, 167—168, 189, 203—204), в обоих лужицких, нижнем (100—103, 168—169, 189, 204—205) и верхнем (103—106, 169—170, 190, 205—206), в чешском и словацком (106—130, 170—174, 190—192, 206—207), в словенском и „кайкавском“ (130—134, 174—177, 192—193, 207—208), в сербо-хорватском (134—140, 177—179, 193, 208—209), в дако-славянском (140—144, 179—180, 194, 209—210), болгарском (144—151, 180—182, 194—195, 210—213) и старословянском (151—157, 182—183, 196—197, 213—217). В концѣ же каждой главы словянскія слова, подходящія под разбираемую категорію „плавнаго сочетанія“, сравниваются со словами других (аріоевропейских) языков (157—162, 184—185, 197—198, 217—218).

Изложив вкратцѣ содержаніе книги г. Кочубинскаго, перехожу теперь к разсмотрѣнію ея достоинств и недостатков. Это разсмотрѣніе ознакомит нас тоже подробнѣе и с самим содержаніем диссертации, и покажет, что суть всего составляет здѣсь одна предвзятая и ничѣм не доказанная мысль

о безусловном старшинствѣ и древности „русскаго языка“, в сравненіи с другими „славянскими нарѣчіями“.

Так как недостатков в книгѣ г. К-го, — как по количеству, так и по вѣскости каждаго из них, — несравненно больше, нежели достоинств, то и начнем с разсмотрѣнія недостатков. При этом мы поставим вопрос слѣдующим образомъ: Насколько г. К. исполнил необходимыя условія произведеній научно-индуктивнаго характера?

I.

Одним из таких необходимых условій успѣха индуктивнаго изслѣдованія является критическое отношеніе к источникам, которыми пользовался автор, и к фактам, легшим в основаніе его выводов.

Отношенія г. К-го к источникам и фактам нельзя во-все назвать критическим.

Так напр., он считает *Mater Verborum* памятником безусловно подлинным (стр. 80 и др.), не смотря на прежнія сомнѣнія и на послѣднія довольно вѣскія и убѣдительныя возраженія против подлинности большинства чешских глосс этого памятника⁽¹⁾. Об этих сомнѣніях и возраженіях г. К. должен был знать и, признавая их, опровергнуть их хоть в нѣскольких словах.

Ссылаться на изданія В. А. Мацѣевскаго (W. A. Maciejowski) (стр. 94 и др.) может только человек, или не ознакомленный с незавидными свойствами этих изданій, или же не считающій подобных свойств с научной точки зрѣнія ничѣм предосудительным. Известно, что г. Мацѣевскій во-все не дорожит при изданіях памятников точностью и добросовѣстностью, так что всѣ его изданія носят на себѣ отпечаток крайней недобросовѣстности, торопливости и ненаучнаго дилетантизма. А между тѣм выловленная в одном из изданій г. Мацѣевскаго форма *паралпопа* (!) (94) принимается г. Кочубинским как нѣчто несомнѣнное, и на ней строится один из его крайне неудачных частных выводов.

⁽¹⁾ См., между прочим, V. Jagić „Die Fälschungen in der *Mater Verborum* des Prager Codex“. (Archiv f. slavische Philologie. III. Berlin. 1878, 112—123).

Примѣры форм болгарскаго языка берутся г. К.-м не только из подлинных и добросовѣстных изданій, но тоже из таких изданій, как сборники г. Верковича, неподложность которых мы имѣем полное право сильно заподозривать. Кто, как г. Веркович, мог с меркантильною цѣлью сочинить эпическія словянскія пѣсни о Вишну, об Орфеѣ, об Александрѣ Македонском и т. д., тому, я думаю, ничего не стоило сочинять тоже пѣсни с другим содержаніем.

Исслѣдователь, берущій примѣры из каких бы то ни было письменных памятников, должен справляться с элементарными требованіями палеографіи. Элементарныя же требованія палеографіи весьма просты и незамысловаты.

Прежде всего слѣдует допускать возможность простых описок, и, выдумывая разныя гипотезы и глубокомысленные выводы, не пользоваться очевидными или же хотя бы только возможными описками. Между тѣм г. К. является в этом отношеніи далеко не разборчивым, считая описки явленіями равноправными с написаніями, в самом дѣлѣ характеризующими памятники извѣстной категоріи. Он ловит эти разныя описки и на них строит выводы и теоріи. Ср., напримѣр, допускаемыя г. К.-м серб. *чолѣк* (86), *valastelin* (142), *Вольхась* (140), польск. *mlowenye*, *mlowicz* (?) (94, 92), чешск. *Jawr*, *Jaurnik*, *Jaurow* (129), стсл. *скръпи-инз* (155) и т. п. Точно так же, допуская ѣ вм. *жд* в языкѣ стсл.-ом, *жс* вм. *жд* в болг., серб. и стсл., *дз* (дз) в болг., *з* вм. *жд* в стсл.-ом и малорусском (36), г. К. или смѣшивает возможные описки рукописей с особенностями языка, или же не принимает в соображеніе спеціальных условій, которыми можно объяснять в данном нарѣчій подобную замѣну стсл.-го *жд*.

При этом для г. К.-го совершенно безразлично, встрѣчается ли извѣстное написаніе только один раз, или же оно постоянно повторяется. Так, между прочим, сам г. К. заявляет, что в Остромировом Евангеліи „основа эта“ (т. е. *плоть*) „пѣтпалцать разъ — въ неизмѣнной формѣ пѣт, въ шестнадцатый съ небольшимъ измѣненіемъ — пѣт“ (164), а между тѣм оба эти написанія, один раз попадающееся *пѣт* и 15 раз встрѣчающееся *пѣт*, для него совершенно равноправны. Развѣ это не значит ставить описки на одну доску с настоя-

иными написаниями рукописей, и так по тѣм, так и по другим дѣлать равносильныя заключенія? То же самое относится и Зографскому Евангелію, в котором тоже постоянно имѣется пльть, и только раз (Матѣ XVI, 17, 40b) попадаетъ пльть (Jagic, Archiv für slavische Philologie II, 211), выдаваемое г. К-м за нѣчто особенное (164¹) и т. д.

Не удивительно, что при таком безцеремонном обращеніи с элементарными требованіями палеографической техники г. К. вводит ложныя показанія на памятники. Он совершенно произвольно, по примѣру Миклошича, допускает стсл. *слза*, употреблявшееся же безразлично рядом с *слъза* (199); между тѣм как в Lexicon'ѣ Миклошича стоит, правда, во главѣ статьи *слза*, но в приводимых им примѣрах только или *слъза*, или же *слеза*. Допускаемая же г. К-м слова *блзвати*, *блзскъ*, *кльнж*, *кльжж*, *плзвити* (199) даже Miklosich приводит в видѣ *блзвати*, *блзскъ*, *кльнж*, *кльжж*, *плзвати*. Между прочим, под словом *блзскъ* мы находим у Mikl.-a:

„блзскъ, клзскъ Manassis chronica saec. XIV bulg. = клзскъ“. Стало-быть, *блзскъ*, правда, встрѣчается, но только в памятникѣ болгарской рецензій XIV ст. Только невниманіем строя стсл.-го языка можно объяснить себѣ предположеніе г. К-го, что *блзскъ* или хотя бы даже *блзскъ* возможны, как старославянскіе рефлексы этого слова, тогда как в стсл. возможна единственная форма *кльскъ* (ср. *свѣтъ*, *цвѣтъ* и т. п.) (см. ниже). См. тоже стр. 213—214.

То же самое можно сказать о формѣ *пльза* (вм. *пльза*), вѣроятной опискѣ, встрѣчающейся в памятникѣ только XVI ст. (у Mikl.: меп.-леор.), и выдаваемой г. К-м (155) за настоящую стсл.-ую форму.

Нельзя не замѣтить, что г. К. упускает из виду столь обычное в рукописях смѣшеніе начертаній и их комплексов, вследствие смѣшенія в языкѣ соответствующих им звуков и сочетаній звуков. Так, между прочим, извѣстно, что для писца Остромирова Евангелія *оу* и *я* обозначали безразлично *у* (напр. *дрлгоуѣ* вм. *дрлгѣѣ* и т. п.). Нѣчто подобное относится, по всей вѣроятности, и ко встрѣчаемому в памятниках русской рецензій (Свят.) написанію *скръпниинъ* от „инославянской“ (?) „основы *скорп*“ (155). Для русскаго писца *рѣ* или *ръ* старославянских памятников могло казаться тождественным *ор* или же *оръ* (*оръ*); ср. стсл. *трагъ* = рус.

тор и т. п. А еще вѣроятнѣе, что пропускъ *о* в *скръпниинѣ* (вм. *скорьпниинѣ*) есть простая описка.

Г. К. проявляетъ азбучный субъективизм или произволъ, утверждая, вопреки палеографическимъ даннымъ, что буква *щ* произошла изъ слитія в одно цѣлое буквъ *ш* и *ч* (!) (40, 49, 49—50 и др.), доказательства чему приводятся, между прочимъ, изъ „пражскихъ глаголическихъ отрывковъ“ (40, 50), представляющихъ несомнѣнные слѣды чешскаго вліянія, и поэтому несправедливо считаемыхъ г. К.-мъ памятниками чисто старословянскими. Еслибъ въ русской азбукѣ *щ* не значило *шч*, г. К.-му даже в голову не пришло бы утверждать, что стсл. *ѣ* есть обратительный знакъ вм. *ш* и *ч*. — Ставя же „пражскіе глаголическіе отрывки“, равно какъ и памятники болгарской, русской и сербской рецензій поздняго времени (XIV и даже XVI ст.) на одну доску съ древнѣйшими памятниками стсл.-ой письменности, нашъ авторъ выказываетъ грубое незнаніе относительнаго достоинства памятниковъ стсл.-ихъ.

Г. К. высказываетъ очевидную палеографическую неправду, противорѣчащую всѣмъ палеографическимъ даннымъ, утверждая, что „чѣмъ старѣе рукопись, тѣмъ чаще взаимная мѣна *ѣ* и *х*“ (149); что „уже въ старословенскихъ памятникахъ смѣшиваются *ѣ* — и, *х* — ѣ“ (184), что в Зогр. Ев. имѣется въ вм. *х* (151 — слѣдствіе непониманія фонетики стсл.-ой!), и т. д. Всѣ эти утвержденія можно объяснить себѣ или тенденціозностью, или же наивною пошлостью автора.

Кромѣ этихъ и имъ подобныхъ случаевъ, г. К. выказалъ непониманіе фонетическаго строя стсл.-го языка, непониманіе отношенія древняго стсл.-го языка къ его позднѣйшимъ видоизмѣненіямъ и, наконецъ, незнаніе объясненій, данныхъ другими учеными, — заявляя, что *е* и *о* в словахъ *проклѣнѣше*, *четвертокъ*, *прибѣтокъ*, *начатокъ* и т. д. „клицевой глаголиты“ древнѣе *ѣ* и *з* в стсл.-ой формѣ *проклѣнѣше*, *четвертъкъ*, *прибѣтъкъ*, *начаткъ* и т. д. (215, 156), между тѣмъ какъ совершенно наоборотъ *е* развилось изъ *ѣ*, а *о* изъ *з* при исчезновеніи *ѣ* или *ѣ* слѣдующаго слога.

Разсматривая полабскія слова, сохраненныя в рукописяхъ, г. К. безусловно вѣритъ буквамъ, записаннымъ Нѣмцами (99), и такимъ образомъ смѣшиваетъ буквы и звуки. Точно такъ же г. К. вѣритъ буквамъ западно-славянскихъ (полабскихъ, лужицкихъ и т. п.) словъ, попадающихся в латинскихъ грамотахъ (98), и не смущается вовсе соображеніемъ, что вѣдь эти сло-